Юрий
Григорьев

ДВА С ПОЛОВИНОЙ

Счастье — не уровень. Это разница

Юрий Григорьев
Два с половиной

https://litres.ru/74777029
SelfPub; 2026

Аннотация

Его стремление разобраться, куда уходит время, превращается в исследование собственной жизни.

Герой книги жил, как все: работа, дорога, телефон и вечное «потом». Однажды он понял, что год пролетел незаметно — дни слились в серый поток. Тогда он начал считать не деньги, а секунды: два миллиарда триста шестьдесят семь миллионов. На что уходит его жизнь?

О том, что гонка за успехом не имеет финиша, а «потом» так и не наступает.

Содержание

Пролог. Три часа ночи 4
Глава 1. Бег на месте 9
Глава 2. Люди вокруг 15
Глава 3. Слипшиеся дни 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Юрий Григорьев
Два с половиной

Пролог. Три часа ночи

Герой проснулся в 3:07. Он знал время точно: часы на тумбочке светились в темноте — зелёные цифры, на которые он годами смотрел в упор, не видя их.

Он проснулся не от кошмара. Не от звука за окном. Не потому, что нужно было в туалет. Он просто открыл глаза — так открываешь их, когда внутри что-то уже стоит и ждёт, а ты ещё не знаешь, что это.

Комната была серой. Город за окном молчал в своём ночном режиме: где-то на дальнем перекрёстке проехал одинокий автомобиль и стих. Работал холодильник — старый, с тягучим гулом, который за одиннадцать лет на кухне стал частью тишины, как гул аквариума или тиканье часов в доме, где их слишком много, чтобы различать каждое.

Герой лежал неподвижно. Не потому, что хотел уснуть, а потому, что не было причин двигаться.

Он попытался вспомнить, чем занимался вчера.

И не смог.

Не совсем так: вчера, конечно, вспомнилось — отрывками, как обычно и работает память. Утро, дорога, совещание,

на котором он говорил что-то правильное и потому пустое. Вечер: ужин, экран телефона, его свет и тепло человека, которого нет в комнате. Но между этими отрывками — провалы. Целые часы, которые он прожил, а прожил ли — не сказать. Они прошли. Они даже где-то отметились: письма отправлены, позвонил, забрал, заплатил, лёг спать. Всё исполнено. И всё — как чужое.

Тогда он попробовал вспомнить прошлую неделю.

Недели не было. Была неделя-обложка: какой-то понедельник в начале, какая-то пятница в конце. Он попытался нащупать внутри хоть один вечер, хоть один разговор длиннее минуты — и не нашёл. Неделя слиплась с прошлой. Прошлая — с позапрошлой.

А год назад? Его пришлось восстанавливать по документам. По фотографиям в телефоне: судя по снимкам, где-то в марте они с женой были у её родителей. По записям в календаре: в сентябре он ездил в командировку, судя по билетам. Он узнал свою жизнь так, как узнают чужой отпуск: по свидетельствам, по вложениям, по сноскам. Не по памяти — по бумагам.

Он лежал в темноте и думал не о страшном, а о странном. О таком, от чего не хочется вскакивать, а хочется только лежать и держать эту мысль в руках.

Я живу. Но не помню, как.

Он сделал то, что сделал бы любой на его месте. Сказал себе: ты просто устал. Ты вечно устаёшь, это нормально, ты не

мальчик, у тебя работа, ипотека, всё как у людей. Выспишься — и отпустит.

Он закрыл глаза. Не отпустило.

Через какое-то время он встал — тихо, чтобы не разбудить жену, — прошёл по коридору на кухню и налил воды. Вода была холодная, хорошая, настоящая. Он выпил стакан и поймал себя на том, что стоит посреди кухни и считает.

Он не помнил, когда начал. Не помнил, с чего. Просто считал: неделя — это семь дней. Месяц — тридцать. Год — триста шестьдесят пять. Он прожил тридцать пять лет — значит… Он посчитал. Пересчитал. Посчитал снова, потому что в первый раз не поверил себе.

Потом понял, что считает не то. Что дни — слишком крупная единица. Что день — это ведь не день. Это утро, дорога, восемь часов чужого порядка, вечер, экран, сон. Если разобрать день, в нём почти ничего не остаётся — он только кажется большим, пока лежит в календаре.

Он стоял на кухне в три часа ночи и понимал, что занятие это бессмысленное. И продолжал.

Это была не тревога. При тревоге сердце стучит и хочется чем-нибудь занять руки. Он же ничего не хотел. Стоял в пижамных штанах со стаканом в руке — и держал то, что держал все эти годы, не замечая.

Наконец он поставил стакан в раковину и пошёл обратно. По дороге остановился у окна — оно было в конце коридора, маленькое, выходило на лестницу, — и посмотрел вниз.

Подъезд. Парковка. Один фонарь, а под ним — пятна света, похожие на те, что оставляют луны на парковках во всех городах.

Он жил здесь девять лет. Девять лет ходил мимо этого окна дважды в день: утром — к двери, вечером — от двери. И не помнил ни одного вечера, проведённого у окна. Оно всегда было не окном, а фоном. Так же и дорога была не дорогой, а фоном. Завтрак, разговоры, выходные, отпуск — всё было фоном. Жизнь происходила не здесь, а «когда-нибудь потом», когда он наконец закончит всё, что надо закончить, и начнёт ту, настоящую, отложенную.

Он подумал просто, без пафоса, потому что в три часа ночи пафоса не бывает:

Если я не помню свою жизнь — значит, я в ней не присутствовал. Значит, жил кто-то за меня.

Он ещё не понял, кто. Не понял, когда именно тот занял его место. Просто понял, что так больше нельзя. Не «надо срочно что-то менять», не «завтра начинаю новую жизнь» — по этим словам он уже ходил в первые числа каждого января. Просто: так больше нельзя. Тихая мысль, сказанная без свидетелей. Потом он ещё узнает, что самые важные решения всегда выглядят тихими. Громкими бывают только обязательства.

Он вернулся в постель. Лежал недолго. И уснул — что удивительно, — не от усталости, а от той самой мысли, как от голоса, который наконец договорил всё, о чём молчал го-

дами.

Утром он проснулся по будильнику — и с первой же минуты оказался внутри своей обычной машины: почта, четыре непрочитанных, звонок, пробка, «скинь к обеду», «потом», «потом». Ночь забылась так же бесследно, как забываются сны: вроде бы что-то было, вроде бы что-то важное, — но рукой уже не потрогать.

Он снова побежал.

И мысль, разбудившая его, снова легла на полку. На ту, что пониже. На ту, где лежит всё, отложенное на потом.

Он не знал, что эта ночь — самое честное, что случилось с ним за последние годы. И не знал, что у его жизни есть точный размер.

Но до этого числа ему предстояло дойти ещё долго.

Глава 1. Бег на месте

Будильник звонил в 7:20. В 7:21 герой уже держал телефон.

Это не значило, что он рано встаёт и бодро начинает день. Это значило только одно: между «проснулся» и «встал» было ещё двадцать минут, и все двадцать он пролежал, читая ленту. Он не выбирал читать её — рука сама тянулась к телефону, как рука к пульту, когда понимаешь, что по телевизору ничего нет, но вдруг там что-то появилось за последние четыре минуты.

В туалет, умываться, чайник, рубашка, чай, кроссовки — нет, не кроссовки, туфли, кроссовки в субботу, — кошелёк, ключи, телефон, зарядку, наушники. В семь пятьдесят он выходил из квартиры. В восемь десять стоял в пробке на Наратова. В восемь сорок открывал почту.

У него была нормальная работа. Он занимал должность, которую и на анкете-то писать несложно: «менеджер проектов». Это значит — ни то ни сё. Не директор, чтобы гордиться, не курьер, чтобы не в счёт. Человек, который отвечает за то, чтобы всё случилось вовремя, и которого спрашивают, когда не случилось.

Он был хорошим работником. Все так его и называли: хороший работник. Это такая оценка, от которой не радуешься и не обижаешься — она как «нормальный» про погоду. Он

приходил вовремя, не подводил, брал на себя то, что другие не брали, отвечал на письма так, чтобы их не надо было перечитывать. В компании его ценили. Это слово — «ценят» — он иногда мысленно произносил и чувствовал в нём что-то похожее на заплатку: ценили — да. Но за что? За то, что он много делал. А делал он много чего — и все эти «много чего» складывались почему-то в «ничего особенного».

Вот с этим он и жил.

Утро понедельника было как утро любого понедельника. Открыл почту — там уже было двадцать три письма: на три надо было ответить сразу, одиннадцать можно было оставить на потом, восемь не надо было открывать вовсе, а одно было от бухгалтера и требовало того, чего герой не понимал. Он ответил на три сразу — потому что умел быстро отвечать. Это, кстати, было его единственным очевидным талантом: быстро отвечать на письма. Не писать красиво — быстро. И это дало ему за годы карьеры больше, чем всё высшее образование.

В десять — планёрка. Планёрка — это когда восемь человек садятся и сорок минут договариваются о том, что потом всё равно поменяется. Герой вёл планёрку, потому что умел вести. Не потому, что любил. Он давно различал эти два слова — «уметь» и «любить» — и заметил, что в его жизни первое почти всегда съедало второе.

В двенадцать он позвонил подрядчику. В двенадцать сорок ему принесли документ, который надо было посмотреть

вчера. В тринадцать он поел: рис, курица, компот — не обед, а заправка. В четырнадцать он снова открыл почту, и там было уже двадцать девять писем, из которых на три надо было ответить сразу.

Так прошёл день.

В восемнадцать сорок он закрыл ноутбук и подумал: а что я сегодня сделал? И честно попробовал вспомнить. Помнилось: звонил подрядчику. Остальное — как море ночью: было, слышно, а руки не вытянешь.

Он не расстроился. Он вообще почти не расстраивался — расстраиваться было некогда. Он вышел из офиса, сел в машину, включил навигатор — там горело сорок минут до дома — и сорок минут честно стоял. За это время он успел послушать подкаст о том, как успевать больше, потом новости — их вёл тот же голос и сообщал, что мир сходит с ума, — и позвонить матери. Мать спросила, как он. Он сказал: нормально, всё бегом. Мать сказала: ты не болей. Он сказал: не болею. И не соврал.

Дома его ждал ужин. Ужин готовила жена — она тоже работала, но всё равно крутилась у плиты, а он — у ноутбука. И оба называли это «справляться». За ужином они разговаривали: о детском саде, о родителях, о том, что надо поменять зимнюю резину, о том, что летом поедут на море, если получится. «Если получится» — вечная приписка к их планам, как «с уважением» в конце письма.

После ужина — ещё немного работы. Потом — телефон.

Потом — душ, постель, лента.

И так — день за днём.

Если бы кто-нибудь спросил героя, чем он занят, он бы ответил: работой. Если бы спросил подробнее — перечислил бы проекты, сроки, задачи. Всё это было правдой.

Но правда была и другая, и герой её не видел, как не видят носа на собственном лице.

Он был занят. Он был занят всегда. У него не было ни одного свободного часа — а если и появлялся, тут же наполнялся сам, как щель под дверью наполняется сквозняком. Вечер пятницы? Ну, там ремонт, дети, звонки. Выходной? Поездка к тёще, стирка, «надо заехать». Отпуск? Отпуск он в этом году провёл на даче — помогал тестю с забором. Забор получился хороший. Тесть был доволен.

И при всём этом — вот что странно — у героя ничего не прибавлялось. Не в смысле денег (те прибавлялись понемногу, как трава на асфальте). А в смысле жизни. Куда он шёл? На тот же самый этаж, что и год назад. Почти с той же зарплатой, с теми же обязанностями, с той же мечтой, аккуратно завёрнутой и убранной в дальний ящик — не забыть, но и не доставать: зачем, она всё равно как фотография в паспорте, на человека не похожа.

Он бежал. Он очень старался. Он был первым, кто приходил на планёрки, и последним, кто уходил из офиса. Он выкладывался. И вот итог: он стоял на месте. Причём стоял так ровно, что можно было сверять часы: в понедельник —

то же, что в среду, в среду — то же, что в прошлом месяце.

В детстве ему рассказывали про белку в колесе. Он тогда пожалел белку. Теперь он узнал в ней себя — и пожалеть не успел, потому что надо было отвечать на письмо.

Была у него и ещё одна привычка, о которой стоит сказать, потому что она объясняет всё остальное. Слово это было короткое и вежливое: «потом».

Позвонить старому другу? Потом. Разобрать балкон? Потом. Прочитать книгу, что стоит на полке с прошлого года, — потом. Записаться к врачу? Открыл приложение, посмотрел, закрыл. Потом. Поехать на море — потом, если получится.

«Потом» — удивительное слово. Оно обещает всё и не обещает ничего. Оно позволяет не отказывать себе в желаниях и не исполнять их одновременно. Герой держал в своём «потом» целую жизнь — вторую, настоящую, где он выспится, прочитает, увидит, сядет и наконец всё разберёт. И «потом» исправно работало: оно всегда было впереди, как горизонт на картине — нарисован, но не дойти.

А рядом с «потом» жил его младший брат — «когда разберусь». Это был более солидный гражданин: он откладывал не удовольствия, а решения. Разберусь с работой — тогда и о перемене подумаю. Разберусь с ипотекой — тогда и о машине. Разберусь с собой — тогда и жить начну. Разобраться не удавалось ни разу, но герой не унывал: у него был список, и список этот был длинный, как у настоящего человека, ко-

торый многого хочет.

И вот однажды — во вторник, за обедом, над несъеденным рисом, — герой сделал наблюдение. Маленькое, почти шутливое. Поначалу он его и не запомнил.

Он заметил, что бежит всё быстрее, а попадает всё дальше. Нет — наоборот. Он заметил, что чем быстрее бежит, тем меньше успевает. Что чем больше часов он «выкладывается», тем меньше остаётся часов, о которых потом можно вспомнить. Что двадцать три письма утром превращаются в двадцать девять к обеду и в тридцать четыре к вечеру, и он весь день отвечал, отвечал, отвечал — а почта не пустела. Она не пустела, как не пустеет ведро с дырой.

Он улыбнулся над тарелкой — тихо, беззубо, сам себе. Вот, значит, как. Двадцать лет — всё быстрее, всё ответственнее. И при этом на месте.

Белка прибавила ходу — колесо-то крутится.

Он смахнул это наблюдение со стола, как смахивают крошки: не сейчас. И вернулся к письмам.

Но наблюдение, как плохой гость, ушло не сразу. Оно осталось стоять в прихожей — тихо, в верхней одежде, не снимая ботинок. И герой ещё несколько дней, занимаясь своими делами, чувствовал на спине его взгляд.

Глава 2. Люди вокруг

Герой жил не на необитаемом острове. Вокруг него — как и вокруг всех — были люди. И у этих людей были свои колёса, свои беговые дорожки и свои «потом». Герой их никогда не рассматривал: когда сам бежишь, до бегущих рядом не дойти. Но после той ночи в три часа — а дело было уже к осени — он начал смотреть на них иначе. Не как на фон, а как на зеркало.

Начну по порядку.

Начальник.

Звали его Виктор Петрович. Герой работал у него восемь лет и знал о нём три вещи. Первая: Виктор Петрович справедливый. Вторая: Виктор Петрович усталый. Третья: Виктор Петрович живёт «когда выйду на пенсию».

Эта фраза была его стержнем, альфой и омегой, икотой и вздохом. Что бы ни происходило, всё сводилось к ней. Премия небольшая? Ничего, когда выйду на пенсию. Проект сдох? Ничего, когда выйду. Ношу коричневое пальто не по погоде? Ничего, когда выйду, куплю себе нормальное.

«Там» — на пенсии — Виктор Петрович собирался наконец жить по-настоящему. Сажать что-нибудь, что ли: грядки, дача, удочка — он сам толком не знал. Но точно знал, что «там» начнётся настоящая жизнь, а всё «здесь» — это предисловие. Сорок лет предисловия, между прочим. Герой как-

то прикинул: если предисловие длится дольше самой книги, может, стоит перечитать оглавление?

Виктор Петрович был при этом человеком добрым. Он помнил дни рождения всех своих подчинённых, выручал деньгами — без расписки, из зарплатного конверта, — и однажды, во время обвала проекта, не спал двое суток, чтобы герою не пришлось. Его нельзя было не уважать. Его можно было только жалеть — а он себя не жалел. Зачем? Он же не пропал. Он в очереди. Стоит, терпеливо: сорок лет в очереди на пенсию — как в советской булочной: подойди — отрежут.

И самое смешное — или как раз несмешное, я ещё не решила, — что герой смотрел на него и видел будущее. Своё собственное будущее, аккуратное, как вырезка из журнала: вот человек, который дотерпел. Который всю жизнь берёг зарплату на «потом» и в конце концов дождался, что потом наступило. Правда, наступило оно тогда, когда колени уже хрустят, друзья разъехались, а грядки, честно говоря, уже не тянут так, как обещали.

Соседка.

Соседка — не «соседка-бабушка с докторской колбасой» (такие тоже были, но не о них). Эта соседка — Нина Аркадьевна, пятьдесят девять лет, живёт этажом выше. Мелкая, живая, с голосом, который слышно через два подъезда.

Про неё надо сказать главное: тридцать лет она собирается на море.

Это не шутка и не преувеличение — арифметика чистая.

Ей было двадцать девять, когда она впервые сказала: «Поеду в Сочи». Тогда не поехала — деньги, дети, время. Потом — «в следующем году». Потом — «вот дети подрастут». Потом — «вот дети повзрослеют». И, представьте, повзрослели. Потом — «вот внуки подрастут». Внуки подрастают медленнее, чем хотелось бы, но неуклонно.

А Сочи стоит себе на месте. Не уходит. Честное слово — море никуда не денется, оно терпеливое, как свечка. Оно вообще ничего не знает про Нину Аркадьевну. Плещет себе. А она его тридцать лет откладывает — как будто море куда-то уплывёт и надо успеть до отлива.

Герой как-то сказал ей — не всерьёз, по-соседски, в лифте:

— Нина Аркадьевна, поезжайте уже. Прямо сейчас. Съездите.

Она засмеялась:

— Куда мне сейчас? У меня ремонт.

Ремонт шёл четвёртый год. И это она говорила не первый раз. В прошлый раз был не ремонт, а внук. До внука — операция на колене (плановая, всё ок). До операции — что-то ещё. Список был бесконечный, как очередь на пенсию у Виктора Петровича.

Но герой не осудил её — вот в чём дело, и вот в чём вся эта глава. Он смотрел на неё и думал: а чем я, собственно, лучше? У меня не Сочи и не ремонт. У меня «потом». Разные слова — одна полка.

Друг.

А вот друг — это отдельная песня. Друга звали Серёга, и он был человеком, который вечно на бегу.

Причём бегал он не фигурально. Бегал буквально: смотрел на часы, говорил из машины, ел на ходу, отвечал: «У меня всё ок!» — и бежал дальше. Разговор с Серёгой длился минуту — не потому, что он был невежливым, а потому, что у него не было минуты. У него был график, и график был плотный, и он его соблюдал. По этому графику на друга отводилось где-то четыре минуты, из которых одна уходила на «ну ты как?», а три — на «ладно, побегу».

Лет десять так. Может, двенадцать.

И вот однажды герой задумался: а куда, собственно, Серёга бежит? Куда он торопится все эти двенадцать лет? Что в конце этого бега? Ответа герой не знал. Думал, думал — и понял, что не знает даже примерно. Серёга зарабатывал больше, чем раньше. Серёга был занят больше, чем раньше. Серёга устал больше, чем раньше. И всё это время он не был ни на одном дне рождения героя, ни на одной из их встреч, которые всё никак не удавалось устроить.

А потом герой подумал ещё — и понял, что Серёга и сам не знает, куда бежит. Он бегал не к чему-то — он бегал от тишины. Ему было страшно остановиться, потому что в тишине вставал вопрос: «А зачем я всё это?» А на такой вопрос без ответа остаться нельзя. Лучше бежать.

Герой узнал в Серёге себя — не кривя душой и не вознося

себя. Узнал честно, как узнают себя в зеркале: там я. Тоже всегда на бегу. Тоже всё ок. Тоже: «Ладно, побегу».

Таких людей — Викторов Петровичей, Нин Аркадьевн и Серёг — вокруг героя было много. Он мог бы написать про них целую книгу: дядя Володя с гаражом, куда он ездил двадцать лет «что-то там сделать» и так ничего и не сделал; двоюродный брат, который постоянно «вставал на путь» и всё никак не вставал; коллега, которая выгорела так тихо, что это заметили, только когда она перестала здороваться.

И вот что важно: ни один из них не был плохим. Ни один не был глупым или ленивым. Виктор Петрович — трудяга каких поискать. Нина Аркадьевна — душа подъезда. Серёга — вообще самый энергичный человек из всех, кого герой знал. Это были хорошие, добрые, живые люди. Время утекало у них не в чёрных катастрофах и не в пьяных запоях — оно утекало по капле. По капле — в очереди. По капле — в ремонте. По капле — в беге.

«А что тут страшного-то?» — спросил бы любой из них. Жизнь как жизнь. Все так живут.

Да. Все так живут. И в этом — главное открытие, к которому герой шёл, не подозревая об этом все эти годы: «все так живут» — не оправдание. Это диагноз. Но диагноз мягкий, как простуда: ничего страшного, все болеют. Только простудой болеют неделю, а этим — всю жизнь.

Герой возвращался после встреч с этими людьми домой и думал в лифте, глядя на своё отражение в зеркальной двер-

це: со мной всё в порядке. Просто я бежал, как все. Просто бежал, как все. Просто бежал.

И не заметил, что бежал на месте.

Глава 3. Слипшиеся дни

В конце октября герой поехал в командировку. Дорога длинная — четыре часа на поезде, — и обычно эти четыре часа он тратил на письма и звонки. А тут, в этот раз, телефон сел ещё на вокзале: забыл зарядку. Первые два часа он держал телефон выключенным — из экономии, чтобы дожить до гостиницы. А потом смотрел в окно.

За окном был октябрь: мокрые поля, серое небо, станционные домики, мимо которых поезд проходил, не останавливаясь. И вдруг — герой сам не понял, как это вышло, — он начал вспоминать. Так, как вспоминается само, когда не спрашиваешь.

Он вспомнил, что в детстве ездил с отцом на поезде в такую же погоду. Отец брал яблоки и большой нож, а в дороге чистил яблоки одним длинным движением — так, что кожура сходила лентой и не рвалась. Герой тогда смотрел на эту ленту, не отрываясь. Куда она девалась — он не помнил. Помнил только ленту: медленную, золотую, никогда не рвущуюся.

Он смотрел в окно и думал: а когда я в последний раз ехал на поезде и просто смотрел в окно? Не отвечал на письма, не слушал вебинар, не правил презентацию — а именно смотрел?

И не смог вспомнить. Вообще. Как будто такой поездки

не было. А ведь она была — много раз. Просто все эти разы он смотрел в экран.

Тогда он устроил себе маленький экзамен. Задал себе вопрос, простой как табуретка: чем я занимался в этом году?

Год был не самый сложный, но и не пустой. Что-то в нём было. Что-то большое, наверное: отчёты, проекты, переезд коллеги, юбилей тестя. Он начал перебирать месяц за месяцем — и вот что удивительно.

Январь. Что было в январе? Новогодние каникулы. Салат оливье, ёлка, телевизор с мандаринами. Дальше — темно.

Февраль. День рождения жены, кажется. Был торт. Какой — не помнит. Дальше — темно.

Март — фотосессия у родителей жены. Помнил её по снимкам в телефоне. Фотосессия — и всё, дальше темно.

Так он перебрал весь год. Из двенадцати месяцев вспоминалось от силы четыре — и то с подсказками: фотография, переписка, чек из аптеки. Остальные месяцы были как вагоны, прошедшие мимо: слышно, что проехали, а сколько в них сидело людей — неизвестно.

Герой откинулся на спинку сиденья.

Дни слиплись. Вот в чём дело: дни слиплись в один серый комок, и в этом комке не было ни одного вечера, ни одного разговора, ни одного «смотри, какая луна». Года не было — был только год: число, строка в анкете.

И потом он сделал второе наблюдение — оно было страшнее первого, хотя страшного в нём не было ничего, только

тишина.

Он попытался вспомнить свои большие решения. Те самые, от которых меняется жизнь: где работать, как жить, что главное. Он ждал, что вспомнит моменты — если не драматические, то хотя бы торжественные: сидел, взвешивал, решал.

И не вспомнил. Решений не было. Были последствия решений, а сами решения… Куда он пошёл работать? Ну, так сложилось. Почему переехал в эту квартиру? Да как-то так вышло. Почему так и не перевёлся в тот отдел, куда давно хотел? Слушай, не знаю. Не помню, чтобы я туда не переводился. Как-то само не перевелось.

Важные решения случались с ним сами — пока он торопился. Он был занят почтой и планёрками, а жизнь тем временем принимала за него решения. Тихо, без него. Как будто он вышел из комнаты, а решения рассаживались по его жизни, как гости: кого-то посадили на почётное место, кого-то — в прихожую. И теперь они жили в его доме, а он к ним привык, хотя никого не звал.

Поезд шёл через поля. За окном изредка попадались деревни: пять домов, одинокая берёза, покосившийся сарай. Герой смотрел на эти деревни и думал: а в них кто-то живёт. У них там тоже есть свои годы, свои дни, свои «потом». Может быть, их годы тоже слиплись. А может, нет. Может, они помнят свои вечера, потому что их немного и каждый на виду.

Дома он долго не мог уснуть и всё думал об одном и том же. О том, как именно уходит время, — потому что вопрос «куда оно уходит?» оказался неправильным. Оно не уходило куда-то. Оно никуда не уходило. Оно просто прошло — и не оставило следов.

И вот тогда он дошёл до главной мысли этой главы — до той, которую я хочу, чтобы читатель унёс из неё, как уносят из детства запах подъезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.